

Когда Хэ Юньчжэн только пришел работать в больницу, несколько девушек пытались ухаживать за ним, но он всякий раз крайне строго и холодно отвергал их знаки внимания. Со временем персонал больницы понял, что этот врач с золотыми руками и мягким нравом — убежденный аскет, поэтому никто больше не пытался напрашиваться на отказ.

Однако в последнее время некая госпожа Бай, приставленная к больной бабушке, даже после того как состояние пожилой женщины стабилизировалось, продолжала оставаться в палате под предлогом наблюдения. Стоило лишь взглянуть на то, с какой нежностью и трепетом она ведет себя рядом с доктором Хэ, как намерения девушки становились очевидны. Женщины более чувствительны к делам сердечным, поэтому скрытность, на которую так надеялась Бай Юйтун, на самом деле была видна окружающим как на ладони.

Сегодня две медсестры, сделав укол бабушке Бай, едва успели выйти в коридор, как тут же начали шепотом обсуждать эту тему. В их словах не было злобы, лишь искреннее любопытство праздных зрителей. Бай Юйтун, безусловно, была красавицей, а ведь тяга к прекрасному свойственна всем — порой даже сами медсестры не могли сдержать восхищенных взглядов, глядя на эту девушку. Но Хэ Юньчжэн, признанный кумир больницы, за все эти годы повидал немало женщин: коллег-врачей, медсестер, пациенток и их родственниц... красавиц всех мастей было куда больше, чем можно представить. Трудно было сказать, удастся ли этой юной особе растопить сердце человека, который всегда славился своей холодностью.

До ушей бабушки Бай долетели обрывки их разговора. Из-за закрытой двери звук доносился нечетко, и старушка не разобрала тона медсестер, лишь смутно поняла, что ее внучка положила глаз на какого-то достойного врача.

Бай Юйтун, покраснев, вытянула руку из ладони бабушки и, нервно поправляя волосы, смущенно пробормотала:

— Еще ничего не решено, рано об этом говорить!

Спустя несколько дней Хэ Юньчжэн отправился на плановый осмотр Лян Вэньчжо. Когда, постучав, он вошел в палату, Лян Вэньчжо лежал на кровати — его сломанная нога была зафиксирована стальной пластиной. Рядом с ним находился нанятый семьей сиделец, который делал ему массаж. Период лечения при оскольчатом переломе долгий, а длительный постельный режим может привести к остеопорозу, поэтому Лян Вэньчжо, последовав совету врача, нанял специалиста, чтобы тот делал ему массаж дважды в день: утром и вечером.

Увидев, что вошел Хэ Юньчжэн, сиделец завершил последние движения, вежливо попрощался и вышел. Он знал, что его наниматель и этот врач стали друзьями, которые часто беседуют после осмотров. Но он не подозревал, что еще совсем недавно Хэ Юньчжэн и этот пациент по фамилии Лян едва ли были знакомы: их общение ограничивалось лишь рабочими моментами, да и то они почти не разговаривали. И вот, меньше чем за полмесяца, они превратились в приятелей, которым приятно обменяться парой слов.

Даже сам Хэ Юньчжэн порой удивлялся этому. Он не помнил, чтобы раньше ему было так легко сходиться с людьми. На самом деле многие считали его человеком холодным и равнодушным. Но дело было не в неумении выстраивать отношения — будь это так, как бы он смог добиться таких высот в бизнесе в прошлой жизни? Просто он прекрасно осознавал, что его приход в этот мир — лишь короткое путешествие. В будущем ему предстояло пройти через множество иных миров, и жизнь, которая для обычных людей кажется такой долгой, для него была лишь мгновением, промелькнувшим в одно дыхание.

После расставания с Ци Сююанем он еще острее ощутил, насколько безжалостно время. В бесконечной череде миров шанс на то, что две души снова встретятся, ничтожно мал. Жизнь после смерти — это не сказка, но встретить любовь из прошлой жизни казалось чем-то абсурдным. Вместо того чтобы тратить силы на чувства, которые неизбежно обречены, лучше оставаться в одиночестве и собирать энергию, становясь сильнее.

Хэ Юньчжэн был готов исполнить желания тех, чьи роли он занимал, если у него оставались на то силы. Сбежать, не расплатившись за оказанное доверие, — это было не в его правилах. Раз уж кто-то был готов отдать свой слабый, но драгоценный Огонь души, чтобы попросить его об услуге, он, конечно же, не мог проигнорировать эту просьбу.

— Юньчжэн, до меня дошли слухи, что за тобой ухаживает одна красавица? — Лян Вэньчжо, полулежа на кровати, с легкой иронией посмотрел на друга. Казалось, он просто подшучивает над его популярностью у женщин. Однако в глубине души Лян Вэньчжо горько сожалел, что именно в тот день попросил эту женщину передать ему документы вместо своего помощника. У того возникли срочные дела, и он спросил Лян Вэньчжо, можно ли доверить доставку бумаг Бай Юйтун. Лян Вэньчжо, вспомнив, что она исполнительная сотрудница, кивнул в знак согласия.

В тот момент Хэ Юньчжэн как раз пришел на осмотр. Увидев его в белоснежном халате — строгого, отстраненного, — Бай Юйтун тут же загорелась интересом и начала расспрашивать о нем. Лян Вэньчжо слишком часто видел такие взгляды и сразу понял, что на уме у Бай Юйтун. Скрываясь за маской вежливости, он не мог не ответить на вопросы — к тому же это не было секретом, и даже если бы он промолчал, девушка нашла бы способ узнать личность Хэ Юньчжэна самостоятельно.

Хэ Юньчжэн сел на стул рядом с больничной койкой и предельно спокойно ответил:

— Да. Лежащий на больничной койке Лян Вэньчжо внимательно наблюдал за выражением лица Хэ Юньчжэна. Тот сидел на стуле, слегка расслабившись, с прямой спиной, а в его чёрно-белых глазах сиял привычный холодный и острый блеск. Упоминание о поклоннице ничуть его не смягчило — со стороны казалось, что он действительно ни в грош не ставит эту женщину.

Лян Вэньчжо мысленно с облегчением выдохнул. Ему не нравилось, если Хэ Юньчжэн мог увлечься кем-то ещё, кроме него самого — неважно, мужчиной или женщиной. Одной лишь мысли об этом было достаточно, чтобы его сердце пронзила невыносимая боль. Сейчас их отношения с Хэ Юньчжэном можно было назвать лишь знакомством хороших приятелей, но, вспоминая присущую Хэ Юньчжэну холодность, Лян Вэньчжо сразу почувствовал колоссальное давление: судя по всему, впереди его ждал ещё очень долгий путь...

— Какие люди тебе нравятся? — пальцы Лян Вэньчжо слегка задрожали, и он задал этот вопрос так, будто бы между прочим.

Хэ Юньчжэн приподнял брови — судя по всему, он никак не ожидал, что собеседник вдруг заговорит об этом. Лян Вэньчжо мысленно выругал себя за излишнюю спешку, но раз уж слова слетели с губ, забрать их назад было невозможно, так что оставалось лишь с замиранием сердца ждать ответа.— Пока я не планирую этого, хочу сначала позаботиться о младшей сестре.

Хэ Юньчжэн говорил правду. Ещё некоторое время назад он начал заниматься поисками костного мозга, совместимого с костным мозгом Хэ Юйсинь. Учитывая ограниченность имеющихся у него ресурсов, на это, пожалуй, ушло бы немало сил. Если же совсем ничего не выйдет, он заставит Бай Юйтун добровольно стать донором.

У него имелось множество способов заставить человека подчиниться и помочь ему в достижении цели — и для этого не требовались ни эмоциональные манипуляции, ни применение силы, более того, можно было даже не совершать никаких лишних поступков. Когда он страстно желал заполучить что-то, в нём просыпалась демоническая способность убеждать.

Лян Вэньчжо вспомнил о болезненной привязанности собеседника к сестре, и уголки его рта слегка подёргались. Если бы такое сказал кто-то другой, он бы ни за что не поверил, но раз говорил Хэ Юньчжэн — сомнений не оставалось. Стоило бы всё-таки знать меру в своей одержимости сестрой...

В больнице Хэ Юйсинь шла по зелёной лужайке и недоуменно спрашивала:

— Брат, с чего это ты вдруг решил отправить меня на обследование?

Она всегда отличалась крепким здоровьем и почти не болела, так с чего вдруг брату взбрело в голову устраивать ей полный медицинский осмотр?

Глядя на младшую сестру в ярком алом платье, сияющую и цветущую, Хэ Юньчжэн мягко улыбнулся и протянул руку, чтобы погладить её длинные волосы. Проходившие мимо медсестры даже не удивились — доктор Хэ всегда был невероятно нежен с сестрой.

— Послушайся, иди, — в глазах Хэ Юньчжэна плескалась едва заметная нежность, что для многих выглядело поистине редкостью. Хэ Юйсинь кивнула и протянула Хэ Юньчжэну свою сумочку:

— Тогда после окончания мы поедем домой вместе.

Увидев, что Хэ Юньчжэн кивнул, Хэ Юйсинь повернулась и ушла.

— Это твоя сестра? — Лян Вэньчжо, гревшийся на солнышке, попросил стоявшего за спиной

сиделку подкатить его инвалидное кресло к Хэ Юньчжэну и, глядя вслед удаляющейся Хэ Юйсинь, задал вопрос.

Только что он видел улыбку и нежность Хэ Юньчжэна. Эта редкая нежность заставила даже его, постороннего человека, почувствовать некоторое умиление, однако сидевшая перед ним Хэ Юйсинь не проявила к этому ни малейшего интереса. В душе Лян Вэньчжо шевельнулись легкая зависть и едва заметное недовольство.

— Моя сестра, её зовут Хэ Юйсинь, — сидя на больничной скамье, представил её Хэ Юньчжэн стоявшему рядом Лян Вэньчжо.

Сегодня у него был выходной, и он привел Хэ Юйсинь на обследование. Если подсчитать время, инкубационный период лейкемии уже должен был подойти к концу. Он надеялся выяснить текущее состояние Хэ Юйсинь и пройти с ней курс лечения в больнице, чтобы она смогла дожидаться подходящего костного мозга.

Лян Вэньчжо кивнул. Разумеется, он и так знал, что это сестра Хэ Юньчжэна. В этот момент кто-то из людей Лян Вэньчжо поднес ему мобильный телефон. Лян Вэньчжо взял аппарат, улыбнулся Хэ Юньчжэну и ответил на звонок лишь после того, как телефон продоумкивал несколько раз.

На фоне общего шума раздался голос молодого мужчины:

— Братец.

Эти два слова, казалось, задержались на губах и языке собеседника, и лишённые всяких чувств слова прозвучали так, будто их обернули слоем мёда.

Е Ижань стоял в баре. Заметив, что он разговаривает по телефону, крутившаяся рядом женщина благоразумно отошла в сторону и продолжила веселиться с остальными. В этот момент в глазах Е Ижана не было ни капли уважения к этому так называемому старшему брату, зато сквозила изрядная доля насмешки.

И что с того, что он законнорожденный сын главы семьи? Сейчас он даже встать на ноги не может, а бóльшая часть власти в его руках уже перешла к нему, Е Ижаню. Досадно было лишь то, что акции по-прежнему крепко сжимались противником в кулаке. При этой мысли Е Ижань искренне вздохнул, словно действительно переживал за брата.

— Братец, твоё здоровье улучшилось? В последнее время я был занят делами компании и так и не заглянул в больницу навестить тебя, так что прошу меня извинить.

С этими словами Е Ижань взял со столика бокал и сделал легкий глоток розоватого вина.

Сидевший в инвалидном кресле Лян Вэньчжо чуть растерял всю ту нежность, что еще теплилась в его глазах. Сейчас он был всецело поглощен тем, чтобы наладить отношения с Хэ Юньчжэном, и у него совершенно не было настроения слушать бахвальство этого Е Ижана. Если у тебя больше ничего нет, я первый вешаю трубку. С этими словами Лян Вэньчжо, не дожидаясь ответа от Е Ижана на другом конце провода, нажал кнопку выключения и швырнул телефон стоявшему позади новому помощнику со строгим наказом: Впредь его звонки будешь принимать ты. Если не случится ничего важного, передай ему, чтобы он меня не беспокоил.

Помощник кивнул и ответил: Слушаюсь.

Лян Вэньчжо был прямым внуком семьи Лян, но вовсе не семьи Е. Хотя кровная связь была самой что ни на есть подлинной, между отцом и сыном всё же возникли разногласия. Отец Лян Вэньчжо, Е Минвэнь, когда-то был простым студентом, вышедшим из глухой деревушки. Он учился в одном классе с матерью Лян Вэньчжо — Лян Хуэйхуэй, которая прониклась большой симпатией к трудолюбивому и стойкому Е Минвэню. Сам же Е Минвэнь прекрасно понимал: лучший способ закрепиться в большом городе — это жениться на горожанке с местной пропиской, а если у этой жены ещё и хорошая семья и водится деньжонка, способная в будущем помочь его продвижению, то и вовсе прекрасно. В тот момент не было девушки лучше Лян Хуэйхуэй: она отлично училась, отличалась радушием и питала к нему какую-то невыразимую симпатию.

Оба быстро сошлись, и Лян Хуэйхуэй вскоре растаяла от страстных ухаживаний Е Минвэня. Правда, реальность сильно отличалась от того, что он себе воображал. Лян Хуэйхуэй была единственной дочерью в семье Лян, с самого детства окружённая всевозможной заботой и баловством. Отец Лян Хуэйхуэй изначально планировал после её совершеннолетия найти для неё зятя, входящего в семью. В конце концов, у семьи Лян были огромные богатства и влияние, и кто бы ни стал таким зятем, внакладе он бы не остался. Только вот старик никак не ожидал, что Лян Хуэйхуэй влюбится в какого-то нищего парня.

Отец Лян Хуэйхуэй безумно любил дочь, поэтому, подумав так и эдак, махнул рукой. В конце концов, речь шла всего лишь о зяте, входящем в семью, так что семейный бизнес и власть он, разумеется, никому чужому не отдаст, а раз Лян Хуэйхуэй нравится этот парень, пусть будет по её воле. Узнав, что отец наконец дал согласие, счастливая Лян Хуэйхуэй тут же бросилась к Е Минвэню, чтобы поделиться радостной новостью, но никак не ожидала, что тот придёт в ярость. Лян Хуэйхуэй совершенно ничего не поняла.

До этого Е Минвэнь уже навещал родителей Лян Хуэйхуэй вместе с ней и рассчитывал, что после свадьбы несметные богатства окажутся у него в руках, однако под конец всплыло такое условие. Поразмыслив над всем и так, и эдак, Е Минвэнь всё же не смог отказаться от влияния семьи Лян. Он разыскал Лян Хуэйхуэй и заявил ей, что он единственный мальчик в своей семье и если не оставит после себя потомство для продолжения рода, это станет величайшей сыновней неблагодарностью.

Лян Хуэйхуэй внутренне посочувствовала ему, но подобные вопросы должен был решать её отец. Она отправилась к нему и заговорила об этом. Отец Лян Хуэйхуэй, хоть и собирался взять зятя в дом, вовсе не желал лишать ту семью продолжения рода. Пойдя на компромисс, они постановили: первый мальчик, рождённый Е Минвэнем и Лян Хуэйхуэй, получает фамилию Лян, а второй ребёнок — фамилию отца; если же второго ребёнка не будет, то второй ребёнок, рождённый уже их первенцем-мальчиком, должен будет носить фамилию Е.

Выслушав эти слова и глядя на улыбку на лице Лян Хуэйхуэй, Е Минвэнь сквозь зубы дал своё согласие, но в душе затаил злобу: а что, если у него не будет второго ребёнка? А что, если у первого ребёнка, рождённого Лян Хуэйхуэй, тоже не появится на свет второй ребёнок? В конце концов, сколько крови его собственного рода останется в детях семьи Е и сможет ли вообще кто-нибудь унаследовать фамилию Е?

Увидев, что тот согласился, Лян Хуэйхуэй обрадовалась и вовсе не заметила выражения, промелькнувшего в глазах Е Минвэня. После окончания учебы они сыграли свадьбу. Лян Хуэйхуэй вовсе не была той кроткой и во всём послушной женщиной, какой её воображал Е Минвэнь: будучи женой, она, конечно, проявляла мягкость, но в мире бизнеса вела себя исключительно жестко и бескомпромиссно. Отец с малых лет брал Лян Хуэйхуэй с собой повсюду, воспитывая её как полноправную наследницу, и Е Минвэню волей-неволей

приходилось признавать, что по кругозору и деловой хватке он уступает этой жене.

Впрочем, он умел приспосабливаться к обстоятельствам: раз уж он ей проигрывал, стоило просто усердно учиться. Лян Хуэйхуэй дважды была беременна и родила двоих детей; на вторую беременность и последовавшее за ней восстановление ушло в общей сложности более двадцати месяцев, и всё это время Е Минвэнь удерживал власть в компании в своих руках. К несчастью, спустя несколько лет после рождения второго ребёнка у Лян Хуэйхуэй диагностировали рак молочной железы. Уровень хирургии тех лет был далеко не так развит, как сейчас, и риски операции возрастали многократно. В день операции Лян Хуэйхуэй скончалась прямо на операционном столе.

Из двоих детей Лян Хуэйхуэй один — это нынешний Лян Вэньчжо, а второй — Е Ижань. Пока дедушка и бабушка Лян Вэньчжо были живы, Е Минвэнь ещё притворялся любящим отцом, но стоило старикам уйти из жизни, как он полностью посвятил себя погоне за властью. Е Минвэня он забрал к себе, тщательно воспитывая и подвергая строгой муштре — судя по всему, собираясь вырастить из него наследника. А вот Лян Вэньчжо получал сколько угодно денег, но был лишён всякой власти: очевидно, его целенаправленно пытались превратить в избалованного мажора. Если бы Лян Хуэйхуэй и старики не оставили Лян Вэньчжо акции перед смертью, трудно даже представить, как сложилась бы его дальнейшая жизнь.

В конце концов Лян Вэньчжо не вырос избалованным мажором, как того желал отец, а превратился в расчётливого, лицемерного и ожесточённого человека с раздвоением личности.

Все эти сведения и данные пронеслись в сознании Хэ Юньчжэня в одно мгновение. Вспомнив о Е Ижане, Хэ Юньчжэнь на секунду прикрыл глаза туманным, лишённым ясности взглядом. Лян Вэньчжо, который как раз смотрел на Хэ Юньчжэня, разумеется, заметил это. Он вовсе не считал, что из-за собственной наблюдательности мог словить галлюцинацию, однако при их нынешних отношениях время для выведывания чужих секретов ещё явно не пришло.— Юньчжэн, — неизвестно почему вдруг вздохнул Лян Вэньчжо. В его внешне прохладных и лишённых эмоций словах, казалось, таилась глубокая привязанность. Лян Вэньчжо пристально вглядывался в Хэ Юньчжэня: у того от природы были холодные, суровые черты лица и облик человека, лишённого сердечного тепла, вовсе не похожего на баловня судьбы.

Хэ Юньчжэн поднялся, взял у ассистента верхнюю одежду Лян Вэньчжо, накинул её ему на плечи и поправил плед, укрывавший его ноги.

— Скоро пойдёт дождь, а твоя травма ног ещё до конца не зажила. Если сейчас простудишься, на всю жизнь останутся болячки.

Закончив говорить, он зашёл за инвалидное кресло и покатил его в сторону больничной палаты. Ассистент и сиделка следовали в нескольких шагах позади.

Услышав слова Хэ Юньчжэня, Лян Вэньчжо поднял голову и посмотрел на небо. Только теперь он заметил, что над их головами сплошной пеленой сгустились тяжёлые тучи, казавшиеся готовыми в любой момент обрушиться вниз потоками дождевой воды. Небольшие деревца вокруг легко покачивались от порыва ветра, и шуршание листвы напоминало осенний листопад. На мгновение ему показалось, что эта сцена до боли знакома.

В сердце внезапно всколыхнулось глубокое чувство, и прежде чем он успел опомниться, горячая слеза сорвалась с ресниц и упала, бесследно затерявшись в складках наброшенного на плечи пледа. Лян Вэньчжо приподнял руку, чтобы коснуться века, и с удивлением обнаружил, что пальцы остались абсолютно сухими — та слеза сорвалась вниз, даже не коснувшись ресниц.

— Юньчжэн, у людей ведь есть загробная жизнь? — Иначе откуда у него, человека, никогда прежде не видевшего этого юношу, такое чувство родства и... глубокой привязанности?

Услышав этот вопрос, Хэ Юньчжэн замер, на мгновение погрузившись в задумчивость, но погруженный в собственные мысли Лян Вэньчжо этого не заметил. Спустя долгое время Хэ Юньчжэн ответил:

— Разумеется, есть.

В его непринуждённом голосе звучала непреклонная уверенность.

Много лет назад уже почти доживший до старости Ци Сююань точно так же сидел в инвалидном кресле, а Хэ Юньчжэн катил его во время прогулки. Вокруг них кружилась и падала жёлтая листва. Тело Ци Сююаня от старости ныло от каждого движения, но он всё равно не хотел умирать. Тогда с его губ то и дело слетали одни и те же слова:

— Я не знаю, будет ли после смерти другая жизнь, но если я закрою глаза в этой, то разминусь с тобой. Мы ведь провели вместе почти целую жизнь, а мне всё кажется мало. Здоровье Хэ Юньчжэна поддерживали на должном уровне: на самом пике своей карьеры он переложил все дела на плечи приемного ребенка, а вот Ци Сююань трудился в поте лица почти всю свою жизнь. Ци Сююань не смел умереть раньше времени — разве мог Хэ Юньчжэн уйти из жизни раньше него? Ци Сююань, цепляясь за израненное тело, тянул до самого истощения сил, и лишь когда лучшие приборы и самые дорогие лекарства уже не могли поддерживать в нем жизнь, он с тяжелым сердцем закрыл глаза.

При этих воспоминаниях на душе у Хэ Юньчжэна стало тоскливо, он отрешенно смотрел на дорогу впереди. В этот момент он услышал, как Лян Вэньчжо произнес:

— Я и сам раньше не верил в загробную жизнь, но, встретив тебя, почему-то почувствовал, будто мы знакомы еще с прошлых веков.

Для слов, сказанных мужчиной, это звучало чересчур двусмысленно и сентиментально.

Затем тот продолжил:

— Когда я впервые увидел тебя, мне показалось, что ты должен быть человеком очень холодным и отрешенным.

Сделав паузу и будто немного поколебавшись, он добавил:

— Ты не любишь приторного, предпочитаешь легкое, любишь чистую воду...

Хэ Юньчжэн молча слушал собеседника, на его лице невозможно было прочесть ни радости, ни гнева. Кресло ровно катилось по каменной дорожке, время словно бесконечно растянулось, и даже пространство будто отделилось от внешнего мира.

— Каждый раз, когда я смотрел на твои бледные пальцы, мне казалось, что тебе холодно и больно, а человеком, которого ты любишь больше всех, должен быть я...

С этими словами Лян Вэньчжо неожиданно даже для себя почувствовал некоторую обиду. Пальцы Хэ Юньчжэня слегка задрожали. Он обошел Лян Вэньчжо и встал перед ним. Только в этот момент Лян Вэньчжо сообразил, что именно ляпнул, и испуганно засуетился. Хэ Юньчжэн приподнял его подбородок. Его взгляд был сосредоточенным и острым, казалось, в этих глазах он разглядел знакомую душу. Прошло немало времени, прежде чем он тихо вздохнул.

Много лет назад, когда они с Ци Сююанем уже были вместе, Ци Сююань как-то сказал ему: «Когда я впервые увидел тебя, то сразу подумал, что человеком, которого ты любишь больше всего на свете, должен быть я».

И человеком, которого он любил больше всех на свете, действительно был он.

Хэ Юньчжэн отвел Лян Вэньчжо обратно в палату, а затем вернулся в собственный кабинет. Распахнув дверь, он увидел Хэ Юньсинь — она сидела на стуле перед письменным столом, и лицо её было бледным.

Она опустила голову, длинные волосы безвольно рассыпались по плечам, а алое платье словно утратило свой яркий блеск. Услышав звук открывающейся двери, она лишь спустя долгое время пришла в себя, повернула голову, увидела Хэ Юньчжэня и растерянно произнесла:

— Брат.

Будучи заботливым братом, Хэ Юньчжэн, разумеется, сразу заметил неладное в состоянии Хэ Юньсинь. Он подошел, коснулся её длинных волос и с беспокойством спросил:

— Что случилось?

В чем крылась причина, Хэ Юньчжэн понимал лучше всех. Однако в некоторых делах лучше не затягивать, и чем раньше удастся обнаружить недуг, тем будет лучше.